

Как оказалось – слишком поздно для того, чтобы он оставил после себя школу. Которой заслуживал более многих. В течение же долгих лет я был его единственным учеником. И имел счастье каждодневно подпитываться из духовного источника этого великого человека. У него я, кроме секретов ремесла, благожелательной опоры моим первым научным опытам, столь же заинтересованной критики в дальнейшем и интродукции в научный мир, получил самое главное – научился не пренебрегать частностями, ничто априорно не считать второстепенным, не размениваться по мелочам, не суетиться, ценить миг общения с мудрым, постоянно расширять свои знания, подвергать сомнениям стереотипы, искать нетривиальные выходы из любой ситуации, извлекать урок и пользу из необходимости отступить, вариативному и комбинаторному мышлению, самостоятельности и ответственности за других, приоритету этики во всяком деле. Короче – он окончательно сформировал мое отношение к жизни и систему ценностей, которая ни разу не подвела меня ни в каких обстоятельствах.

Особенная тема – археологические экспедиции Ю.Г. Кроме напряженной профессиональной работы – целый фейерверк пьес, опер, поэм, постановок, центром и душой коих он всегда выступал. Стимулировал сочинительство сотрудников. Очень огорчился, если у кого-то не хватало изобретательности. А еще – после сезона на Березани ежегодные в течение ряда лет обзорные поездки по раскапываемым памятникам от Одессы до Батуми, куда он увлекал вслед за собой любого – хоть профессионала, хоть дилетанта. В симпозиумах он был великолепен. Сыпал искренними, изобретательными, велеречивыми и искрометными тостами в честь милых его сердцу гостей. Заводил хоровое и индивидуальное (в зависимости от жанра произведения) пение. Благосклонно и непосредственно выслушивал элогию в свой адрес.

А вот пятидесятилетний юбилей его прошел для общественности как-то незаметно. Сам он его широко не отмечал. Собрал только ближайших друзей. Жаль. Был бы повод написать все то же по радостному случаю. Благодарю Господа, что успел высказать ему это в застольях. Часто еще более эмоционально.

Прощай, Учитель – до встречи!

Ф.В. Шелов-Коведяев

© 2001 г.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО О ДРУГЕ

Говорить и писать о Юрии Германовиче Виноградове в прошедшем времени, ставить рядом с именем Юры слово «был» невозможно тяжело, до боли в сердце...

Сегодня уже трудно восстановить в памяти нашу первую с Юрой встречу: это было году в 1959–1960, то есть лет сорок тому назад, когда мы школьниками посещали археологический кружок при Государственном Историческом музее. Уже тогда Юра выделялся среди всех нас каким-то особым, глубоким и целеустремленным отношением к науке и более основательными знаниями.

В 1962 г. мы с Юрой оказались участниками настоящих археологических раскопок античного памятника у дер. Поповка в Северо-Западном Крыму. Вскоре мы подружались, и я узнал, что Юра самостоятельно изучает древнегреческий язык и даже цитирует по памяти отрывки из древних авторов! Мы обитали в одной палатке и имели достаточно времени для бесед об античной истории и планах относительно продолжения образования.

Общаясь с Юрой, я открыл для себя еще одну удивительную грань его дарования – вскоре выяснилось, что он еще и поэт, причем знающий основы стихосложения. Этот его талант послужил причиной появления на свет цикла песен, поэм и баллад на археологическую тематику. Некоторые песни Юрия Германовича исполняются в разных экспедициях уже несколькими поколениями археологов, причем, в большинстве случаев, в качестве «народно-археологических».

Август 1968 года. Тихий, теплый крымский день на исходе. Длинные тени от наших согбенных фигур бегут впереди нас, а позади остается двойная цепочка следов от наших босых ног. Если оглянуться, то можно увидеть, как морские волны, как бы нехотя, сначала слизают на пробу несколько отпечатков, а затем, войдя во вкус, съедают все следы... Но мы не оглядываемся. Мы смотрим и движемся вперед вдоль кромки воды, сгибаясь под грузом виноградных гроздьев. Отборный янтарный «чауш» похищен нами с необозримых виноградников в окрестностях археологического лагеря и должен быть доставлен туда к праздничному столу вечно голодных археологов.

Единственной одеждой на худощавой, бронзовой от загара, высокой фигуре Юры являются плавки, поскольку из своих брюк он соорудил импровизированный мешок, завязав узлами концы штанин. Для этой же цели он приспособил и свою ковбойку. Оба «мешка» он несет на правом плече, ухитряясь при этом в левой руке элегантно держать небольшой чемоданчик, в который он поместил самые спелые грозди. Мы громко распеваем сочиненную нами прошлой ночью песню и над гладью Понта летят слова: «Плывет триера прямо в Гермонассу, на ней нет ни руля и ни компаса, не смотрите, что мы босы, мы – понтийские матросы, мы выходим в море штормовое...».

Настроение у нас прекрасное: мы в античной экспедиции, нас ждут наши ребята и начальник – Ольга Давыдовна Дашевская, вечером будет праздник, а мы с честью выполнили не лишнее риска задание и теперь приближаемся к лагерю. Все еще впереди, а мы никакие не пацаны-школьники, а два древних триерарха – Юрий Виноградов, вернее Амפקлей Родосский, и Владимир Толстиков – Пахикрат Самосский, ведущие свои корабли с грузом хиосского вина в родную гавань...

Следы Юриных ног, оставленные вдоль кромки пляжа, поглотили волны «вечношумящего Понта», но тот след, который оставил ученый Юрий Виноградов в нашей науке, несомненно, запечатлен навсегда.

Так же как в сердцах родных, близких, друзей до конца сохранится острая боль преждевременной утраты и ощущение бреши, пробитой ею в наших судьбах и в нашей науке, бреши, которую нечем заполнить.

В.П. Толстиков